

УДК 94(47)

*П.А. Мистрюгов**

РЕПРЕССИИ ОРГАНОВ ВЧК В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 г.**

В статье рассмотрена малоизученная проблема чрезвычайной политики органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. На основе архивных материалов проведена стратификация репрессий по социальным направлениям и мотивациям, а также исследованы применявшиеся меры воздействия.

Ключевые слова: ВЧК, репрессии, советы, КОМУЧ, чехословаки, крестьяне, помещики, Самарская губерния.

История взаимодействия советских органов власти и общества в период Октябрьской революции и Гражданской войны до настоящего времени хранит множество белых пятен. От степени их изученности зависит оценка не только революционных и военных событий 1918–1920 гг., но и всего пути развития российской государственности в XX веке.

В гуще событий и многомерных процессов 1918 г. рассмотрим наименее изученный вопрос о репрессивной политике органов ВЧК, реализовывавшейся в Самарской губернии. В это время на территории губернии стремительно разворачивались крупные события, изменявшие общественный уклад жизни. Так, свержение власти КОМУЧа в октябре 1918 г. открыло путь для восстановления советских органов власти и управления. Советско-партийные руководители губернии приняли ряд радикальных решений о национализации промышленности, введении продразверстки, которые преобразовали хозяйственно-экономические основы и социальные условия существования города и деревни. К этому добавлялись различного рода мобилизаций (военные, хозяйственные и т. д.), выполнение которых ложилось на людей тяжелым бременем. Сам процесс революционного переустройства и военных действий при освобождении Самары от КОМУЧа и событий на Восточном фронте истощал людские и хозяйственные ресурсы, обостряя общественные взаимоотношения.

Анализируя советскую и современную литературу о ходе советского строительства, его темпах и особенностях, а также настроениях разных общественных групп, необходимо отметить, что внимание методам чрезвычайного советского управления, включавшего в том числе реализацию оперативно-следственных и судебных функций, уделялось крайне мало [3; 7–8]. Тем не менее, согласно выводам современных ученых, занимающихся изучением данной проблемы на материалах центральных губерний, а также Поволжья, Урала, Сибири, Пермского Прикамья на протяжении Гражданской войны и НЭПа место и роль органов государственной безопасности неуклонно возрастали, а впоследствии они стали важнейшим инструментом административно-командной политической системы государства в 20–50-х гг. XX в. [1–2; 4–5].

* © Мистрюгов П.А., 2013

Мистрюгов Павел Алексеевич (Pavel892006@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Для восполнения процесса становления советской власти в Самарской губернии необходимо стратифицировать социальные направления и мотивации репрессивной деятельности органов ВЧК, аппарат которой в губернии был создан уже к концу 1918 г., а также рассмотреть применявшиеся ею меры воздействия к различным группам граждан.

Репрессии органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. носили ярко выраженный социально-политический характер. Их реализация прошла два этапа: на первом этапе советы применяли чрезвычайные меры против сторонников власти КОМУЧа, активных участников его военно-политических структур; второй этап репрессивной деятельности органов ВЧК был связан с подавлением противодействия разных общественных групп, выступавших против советского курса преобразований. Более подробно рассмотрим специфику репрессий в 1918 г.

Восстановление советских органов власти и управления после освобождения Самары от власти КОМУЧа сопровождалось не только серией административных преобразований. Советские власти предприняли против участников политических и военных структур КОМУЧа, оставшихся в Самаре, репрессивные меры воздействия. Необходимо отметить, что юридически органы ВЧК с осени 1918 г. и до апреля 1919 г. руководствовались правом вынесения высшей меры наказания (далее — ВМН) с различными рода вариациями и формами его реализации. В Положении о ВЧК от 28 октября 1918 г. губернским ЧК предоставлялось право заключения в дом принудительных работ (ДПР), а в местностях, объявленных на военном или осадном положении, применение ВМН только после постановления коллегии ВЧК. В следующем изданном Положении «Об организации ВЧК» от 18 ноября 1918 г. подтверждалось право ВЧК на применение внесудебных полномочий, в т. ч. и ВМН. И наконец, Инструкция ЧК на местах от 1 декабря 1918 г. предоставила местным ЧК право накладывать в административном порядке наказания вплоть до расстрела [6, с. 27–28].

На основе документальных материалов, можно выделить две группы граждан, попавших под следствие ГубЧК в декабре 1918 г. Первая группа включала имена 10 воинских чинов и 32 пролетариев, активно поддерживавших КОМУЧ. В вину военным вменялась служба в Народной армии КОМУЧа. Однако положение обвиняемых принципиально отличалось. Как отмечалось, военные принадлежали к классу буржуазии, а значит, были социально опасными. Пролетарии же попали в армию «или насильно, или по чисто случайным причинам». Такая ярко выраженная классовая установка, которой руководствовались сотрудники ГубЧК, повлияла на избрание мер пресечений: военные были приговорены к расстрелу, а представители рабочего класса освобождены. Вторую группу составляли горожане в составе 10 человек, не относящиеся к числу профессиональных военных и менее значимые и активные участники комучевских органов власти. Это были представители торговой сферы (торговец, мясник, владелец пекарни), а также представитель дворянства (сын помещика). Они уличались в поддержке власти КОМУЧа и службе в чехословацкой контрразведке, а также антисоветской агитации, притеснениях советских работников и красноармейцев и укрывательстве факта своей службы в Народной армии. Небольшой процент обвинялся в пьянстве, спекуляции и воровстве. По решению ГубЧК эти граждане были расстреляны [10, л. 28].

В конце 1918 г. повышенную репрессивную активность проявляли уездные органы ГубЧК Самарской губернии. Это можно объяснить как оттоком противников советской власти из города, т.к. советы были бескомпромиссны к своим противникам, так и общей тягой низовых советских структур власти и управления к чрезвычайным способам деятельности. Советско-партийные работники, находясь в непосред-

редственной близости от народа, полумеры и демократические процедуры в управлении одобряли нечасто.

Проанализировав сведения из отчетов Бузулукской, Бугурусланской и Бугульминской УездЧК, отметим, что политика советов по радикальному переустройству общества к концу 1918 г. встречала большое сопротивление не только со стороны бывших эксплуататорских классов, но и представителей крестьянства. Во многом вопрос о социальном представительстве репрессированных является краеугольным камнем в оценке становления нового типа российской государственности после 1917 г. При официальном провозглашении власти рабочих и крестьян были подвергнуты уничтожению представители численно преобладавшего класса крестьянства — всего 36 человек. На втором месте в количестве 24 человек были представители «бывших» — помещики. Причем основной процент репрессированных данной социальной группы приходился на Бугульминский уезд. В списках выделяется такая неопределенная для революционной российской эпохи категория, как «граждане», в составе 12 человек. Прояснить социальную принадлежность членов этой группы позволяет корреляция с родом их профессиональных занятий. Так, среди них были 3 рабочих, 2 спекулянтов, 2 хлебопашцев, 1 учитель, 1 ученик реального училища, 1 протоиерей, 1 писмоводитель и 1 бывший тюремный надзиратель. Последними по числу были представители мещанства — 11 человек. Документальные свидетельства позволяют детализировать такие признаки обвиняемых, как национальность (70 русских, 2 татар, 1 поляк, 1 белорус), возраст (диапазон — 30–39 лет — 22 человека, 40–49 лет — 20 человек, 18–29 лет — 15 человек, 50–59 лет — 14 и 60–69 лет — 7 человек) и профессия (25 земледельцев-хлебопашцев, 11 эксплуататоров чужого труда, 10 торговцев-спекулянтов, 7 представителей духовенства, 7 рабочих, 7 учителей). Мотивация репрессий УездЧК Самарской губернии была различной, а обвинительные приговоры отличались слабой формализованностью, хаотичностью и неполнотой представленных данных. Несмотря на это, в приговорах можно выделить иерархию обвинительных мотивов. Так, доминирующим мотивом стала «контрреволюционная деятельность», включающая различные способы противодействия советской власти; на втором месте — поддержка и участие в структурах КОМУЧа — расстрелы советских работников, сдача чехословакам, служба в Народной армии, порча имущества; третье место — крестьянское недовольство, выразившееся в самовольных сходах, нападениях на совет и восстановлении «кулацкой монархической власти»; четвертое — эксплуатация чужого труда; пятое — принадлежность к классу буржуазии — выступление против советской власти; шестое — шпионаж. Все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны [9, л. 98 об. — 103 об.].

Радикальный процесс восстановления и деятельности советской власти в Самарской губернии в 1918 г. носил конфронтационный характер. Причем линии социального раскола проходили не только между советами и представителями некогда привилегированных классов — дворян и буржуазии, но и между советами и крестьянством. Особой специфической чертой во взаимоотношениях власти и общества в Самарской губернии в 1918 г. стала бескомпромиссная борьба советов с приверженцами власти КОМУЧа, в которой ярко проявились классовые принципы государства диктатуры пролетариата. Рабоче-крестьянский демократический потенциал советской власти в 1918 г. в Самарской губернии был исчерпан. Наряду с административными преобразованиями, начавшимися после освобождения Самары от власти КОМУЧа, активно использовался инструмент репрессий, главным образом против крестьян и помещиков, а иногда и рабочих. Итак, причины нарастания репрессивной политики коренились не только в революционных изменениях общественных отношений. На первое место выдвигались цели обеспечения политического существования советской власти

и РКП(б). Они достигались путем подавления социально-политического сопротивления и поддержания ее военно-хозяйственного потенциала. Эта политика осуществлялась чрезвычайными, в том числе репрессивными, методами.

Библиографический список

1. Бойко С.И. Деятельность Всероссийской чрезвычайной комиссии в годы Гражданской войны и перехода к НЭПу (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001.
2. Кабытова Н.Н. Становление местных органов советской власти в 1918–1920 гг. // Вестник СамГУ. Сер.: Гуманитарная. 2007. № 5/3.
3. Корневская Е.И. Становление высших органов государственного управления. Правовые основы организации и деятельности советского правительства в 1917–1922 гг. М.: Наука, 1975.
4. Кобелева Е.А. Место и роль ЧК в процессе становления Советского государства. 1918 – начало 1922 гг.: на материалах Пермского Прикамья: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005
5. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997.
6. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.-Жуковский: Кучково поле, 2006.
7. Медведев Е.И. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1964.
8. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). СПб.: Изд-во ГУАП, 2011.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-81. Оп. 2. Д. 1.
10. ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 17.

*P.A. Mistryugov**

REPRESSION OF STRUCTURES OF VCHEKA IN THE SAMARA REGION IN 1918

In the article little-studied problem of extraordinary politics of the Cheka in the Samara region in 1918 was studied. On the basis of archival materials the stratification of repressions on social directions and motivations was held, as well as the applied measures has been considered.

Key words: VCheKa, repressions, soviets, Komuch, Czechoslovaks, peasants, landowners, Samara region.

* *Mistryugov Pavel Alexeevich* (Pavel892006@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, 443011, Russian Federation.